

УДК 911.37

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРОВ И ВТОРЫХ ГОРОДОВ РЕГИОНОВ ДЛЯ ВНУТРЕННИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ

© 2020 г. Л. Б. Карачурина*

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия

**e-mail: lkarachurina@hse.ru*

Поступила в редакцию 27.01.2019 г.

После доработки 17.03.2020 г.

Принята к публикации 06.04.2020 г.

В статье исследуется интенсивность внутрирегиональной и межрегиональной нетто-миграции населения центров и вторых (по численности населения) городов 74 регионов России за 2012–2016 гг. Информационная основа исследования — база данных показателей муниципальных образований за соответствующие годы. Невысокая насыщенность российского пространства городами, по логике, должна приводить к тому, что во внутрирегиональной миграции вторым городам как важным фокусам социальной и экономической жизни надлежит быть миграционно привлекательными, т.е. иметь положительный коэффициент нетто-миграции. Фактически это наблюдается в 42 регионах. В остальных итоговый баланс внутрирегиональной миграции у вторых городов отрицателен. При этом миграцию можно рассматривать в качестве индикатора благополучия вторых городов как в отношении наличия собственного устойчивого хинтерланда, так и с социально-экономических позиций. Региональные центры для внутрирегиональных мигрантов привлекательны почти повсеместно. Такое единообразие — результат концентрации финансовых и прочих потоков и полномочий в столичных городах регионов и, независимо от социально-экономической ситуации, лучшего качества жизни в региональных центрах по сравнению с другими муниципальными образованиями своих регионов. Более неоднозначным индикатором служат показатели межрегиональной миграции: с точки зрения рассматриваемого в статье баланса для межрегиональных мигрантов непривлекательны не только вторые города регионов, но и множество региональных центров. Ограниченность демографических ресурсов и наличие двух мощных центров миграционного притяжения на уровне страны (Москва и Санкт-Петербург) не оставляют возможностей для миграционного роста за счет межрегиональных мигрантов большинству региональных центров.

Ключевые слова: нетто-миграция, межрегиональная миграция, внутрирегиональная миграция, миграция молодежи, города

DOI: 10.31857/S258755662004007X

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В начале 2000-х годов О.И. Вендина, анализируя возможности многополярности развития российских регионов (на основе различных показателей, не обязательно напрямую связанных с населением) обнаружила, что контрасты по линии центр—периферия заметны не везде. Причина — высокая конкуренция с региональным центром города — экономического донора: в этом случае “второй город, независимо от его размера и статуса, живет лучше” [3, с. 121]. Таких пар, где бы второй город “жил лучше”, в средней полосе России ею было выделено порядка десяти. Тогда казалось, что “подавляемые в советское время, центры второго порядка оказались более динамичными в новых экономических условиях” [3, с. 121–122]. В.Л. Каганский в 2005 г. описывал

происходящее со вторыми городами как “новый феномен бума вторых городов”, “негосударственный статус которых куда важнее государственного” [5].

Не анализируя данные о функционировании экономики центров и вторых городов регионов, не беремся утверждать, что современная социально-экономическая действительность однозначно опровергает это. Но динамика численности населения региональных центров определенно указывает на рост концентрации населения в них по отношению ко всем другим городам регионов, в том числе вторым городам [6]. С начала 2000-х годов дивергенция трендов вторых городов и региональных центров стала тенденцией: число центров с отрицательной динамикой резко снижается, вторых городов — остается устойчивым. Из

75 анализируемых субъектов РФ¹ в 2010–2017 гг. показали отрицательную динамику численности населения 12 региональных центров, но 50 вторых (по численности населения) городов регионов; только в 13 парах региональный центр–второй город темпы роста численности населения второго города были более высокими.

При современном режиме воспроизводства населения динамику его численности в городах определяют в первую очередь параметры миграции. В условиях, когда в каждом регионе страны миграционные потоки направлены из периферии в центр [7], можно предполагать, что нетто-коэффициенты миграции центров и вторых городов будут значительно различаться — как по величине, так и по структуре. По-видимому, не во всех регионах миграционный прирост будут иметь даже региональные центры, и тем более вторые города. Некоторые региональные центры в России выполняют роль межрегиональных центров притяжения, а есть ли такие среди вторых городов? Различается ли возрастной состав мигрантов, формирующих нетто-миграцию в первых и вторых городах регионов, и насколько по этим показателям дифференцируются между собой центры и вторые города регионов? Эти и другие вопросы, на наш взгляд, представляют интерес и способны пролить свет на некоторые характеристики концентрации или рассеяния населения в современной России и жизнеспособность полицентризма в регионах.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА

Терминологически понятно, что такое “региональный центр” (он же “региональная столица”). Гораздо сложнее с понятием “второй город”: английское *secondary city* в русском видится с оттенком малости и провинциальности и обычно вызывает желание быть замененным на *second largest city*. Однако это не вполне соответствует российской действительности: подавляющее большинство вторых по рангу численности населения городов в регионах — средние по своим размерам и они, скорее, уменьшают свою людность, нежели растут.

Впрочем, сложно не только с соотнесением рангового места и людности. “Вторые города” как категория зачастую рассматриваются в качестве конкурентов первым [17]. В этом смысле они могут быть не во всех регионах или вообще только в некоторых, в других регионах их наоборот может быть несколько. В нашем понимании, такие города стоит рассматривать, скорее, не как

вторые города, а в качестве межрегиональных субцентров.

Один из современных наиболее крупных исследователей вторых городов Б. Робертс выстраивает систему возможных критериев для их выделения в зависимости от конкретных задач, наиболее общий критерий — принадлежность второму или более низкому уровню иерархии [24]. Другая позиция — рассматривать вторые города как дублиеры или спутники первых внутри агломерационных зон [18, 20].

Идеи В.В. Покшишевского [15] относительно выявления вторых городов, наоборот, исходили из потребности формирования вторых городов на значительном (не менее 100 км) расстоянии от региональных центров с тем, чтобы они формировали вокруг себя собственное “поле тяготения”. Г.М. Лаппо [9] для городов, претендующих на роль вторых, или “вице-столиц”, выдвигал несколько критериев: они должны насчитывать не меньше 100 тыс. человек, не входить в агломерацию регионального центра, обладать обширной зоной тяготения, многофункциональной структурой, развитым третичным сектором. Некий комплекс критериев для обоснования выделения вторых городов зачастую предлагается и применительно к зарубежным городам [25]. Представляется, что это происходит, когда ставится задача придания вторым городам дополнительного управленческого статуса, выполнения ими дополнительных функций в общенациональной системе городов, обоснования размещения новых инфраструктурных объектов и т.п.²

Наша задача видится более лаконичной: понять, как различается между собой в целом пласт центров и вторых городов регионов по привлекательности для мигрантов; дифференцируются ли по миграционным параметрам вторые города, насколько их размер или удаленность от регионального центра влияют на их аттрактивность; наконец, одинаково ли действует возрастная селективность для первых и вторых городов регионов.

Такая цель предопределяет, что мы будем рассматривать вторые города как вторые по численности населения города в региональных системах расселения. Это означает, что их столько же, сколько региональных центров, они могут быть различного размера и могут не выполнять и даже не претендовать на конкурентную по отношению к своему региональному центру роль, быть внутри агломерации или находиться на значительном расстоянии от регионального центра.

Таким образом, в рассмотрение в данной статье попали первые и вторые города 74 регионов страны. Не анализируются города Ненецкого АО,

¹ Не по всем субъектам РФ имелся необходимый ряд статистических данных; кроме того, не рассматривались города федерального значения и некоторые регионы, в которых только один город.

² Более подробно различия взглядов на вторые города рассматривались нами в [6].

Республики Алтай (в этих регионах только один город), Дагестана, Тывы, Чукотского АО, Крыма (данные за 2012–2016 гг.³ отсутствуют), Московской и Ленинградской областей, а также собственно города федерального значения Москва и Санкт-Петербург. Пристоличные регионы — территории особого толка. Они возглавляются столицами, которые одновременно служат центрами огромного пространства, а не только одного региона. Хинтерланды Москвы и Санкт-Петербурга выходят далеко за их пределы. При этом влияние этих федеральных городов в миграционном плане прямо распространяется на города Московской и Ленинградской областей соответственно, которые притягивают население из других регионов страны, переезжающее поближе к столицам [21]. В силу особого статуса и получаемых благодаря ему особых выгод сравнения любых других городов с федеральными городами почти бессмысленны. В Адыгее в качестве второго города рассматривается Адыгейск, уступающий при этом по численности населения более крупным, но сельским населенным пунктам. В Томской области в качестве второго города рассматривается не ЗАТО Северск, а г. Стрежевой.

Исследование основывается на данных базы показателей муниципальных образований (БД ПМО) Росстата. К сожалению, из-за отсутствия статистической информации в отдельных случаях были использованы суммарные показатели по городам и муниципальным районам, к которым эти города принадлежат.

В качестве основных показателей выступили коэффициенты нетто-миграции во внутрирегиональной и межрегиональной миграции, рассчитанные как средние за 2012–2016 гг., а также коэффициенты нетто-миграции по потокам для отдельных возрастных групп. Используемые показатели являются по своей природе балансовыми и, значит, оценивают миграционную привлекательность городов через разницу между прибывшими и выбывшими. Вследствие этого возможны ситуации, когда высокий приток (который фактически может свидетельствовать об аттрактивности города) нивелируется почти паритетным миграционным оттоком; такие ситуации нельзя назвать очень распространенными, но они встречаются и характеризуют так называемый “промывной” тип миграции. В большинстве случаев показатели нетто-миграции служат достаточно надежными индикаторами миграционной привлекательности.

³ Начальная точка периода связана с изменением правил статистического учета мигрантов, произошедшим в 2011 г. Подробнее об этом см. [13].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Особенности устройства российского пространства (образно описываемые фразеологизмом “Москва у всей Руси под горой: все в нее катится”) и финансово-бюджетных отношений таковы, что региональные центры — в основном в пределах своих регионов — становятся центрами всего. За редким исключением в них выше зарплаты, относительно широкий спектр рабочих мест, есть вузы, поликлиники, досуговые учреждения. Этот набор позволяет центрам регионов почти всегда быть привлекательными для населения едва ли не всех муниципальных образований своих регионов. Те несчастные случаи, когда это не так, заслуживают более пристального взгляда в силу своей исключительности.

Во *внутрирегиональной миграции* за 2012–2016 гг. нетто-убыль имеют всего три региональных центра: Липецк, Грозный и Салехард. Отсутствие прироста у Липецка объясняется его наличием и даже большими абсолютными размерами у окружающего город муниципального района. А значит здесь, вероятно, следует констатировать не отсутствие аттрактивности у Липецка, а рост населения в пригородной зоне, имеющей, в том числе, черты классической субурбии (неслучайно именно здесь в 500 м от границы Липецка возводится коттеджный поселок с говорящим названием “Субурбия”⁴). Следует говорить также о том, что Липецк (возможно пока) не оформил присоединение окрестных территорий из Липецкого района, как это сделали, пользуясь властным правом, некоторые другие региональные столицы.

Внутренняя миграция в Чеченской Республике нуждается в отдельном исследовании. Нынешние скудные представления о демографической статистике на Кавказе показывают, что доверять ей можно лишь отчасти [11]. Есть предположения, позволяющие говорить о том, что для внутренней миграции в Чечне важнее, чем переезд в столицу, соображения принадлежности к районам проживания значимых тейпов (например, по-видимому, в этом заключается причина постоянного нетто-притока в Ножай-Юртовский район). Кроме того, в последние годы миграционный прирост имеет Грозненский район.

Причины непривлекательности для внутрирегиональных мигрантов Салехарда, по-видимому, заключаются в рассредоточенности по территории Ямало-Ненецкого автономного округа престижных рабочих мест и в низкой инфраструктурной насыщенности региона (в первую очередь сетью автодорог), что при малой численности и плотности населения не создает возможностей для его стекания в свой центр.

⁴ <http://усадьбы48.рф/suburbiya/> (дата обращения 10.03.2020).

Остальные региональные центры имеют нетто-прирост во внутрирегиональной миграции вне зависимости от своей людности, экономической мощи региона и своей собственной, расположения поблизости от других более крупных региональных центров и т.п. Сам по себе статус регионального центра и функционирование современных институтов власти предопределяют общую привлекательность центров [4, 10, 14 и др.].

Иная ситуация со вторыми городами: во внутрирегиональной миграции в 2012–2016 гг. нетто-прирост имела только половина из них. При этом отточность характерна для самых разных вторых городов — крупных и мелких, с разной экономической базой, естественным приростом или убылью. Работы по анализу динамики численности населения городов показали ее нелинейную зависимость от расстояния до регионального центра: самой позитивной динамикой за два последних межпереписных периода отличались города, находившиеся на значительном (200–250 км) расстоянии от региональных центров [8]. Применительно к показателю нетто-миграции во вторых городах есть основания говорить, что реакция на расстояние до регионального центра другая (рис. 1). Под сенью региональных центров получать прирост во внутрирегиональных перемещениях проще. По-видимому, влияют общий рынок труда, а также возможности или даже преимущества более дешевого жилья во вторых городах по сравнению с региональными центрами. Это случаи Энгельса (Саратовская область), Новочебоксарска (Чувашия), Черногорска (Хакасия), Бердска (Новосибирская область), в силу малой площади территорий регионов также нескольких северокавказских городов.

Что касается зависимости нетто-миграции от людности города, то линейный нисходящий тренд нарушается на городах с населением 50–100 тыс. человек. В целом по группе в них прирост оказался выше, чем в более крупных городах.

Однозначных связей внутрирегиональной миграции с показателями функционирования экономики в городах нет. Об этом — не на примере вторых городов, а вообще для городов — свидетельствуют и исследования с применением эконометрических методов [2].

В отличие от региональных центров образовательная функция вторых городов регионов (и вообще всех городов, не являющихся региональными центрами) состоит в основном в подготовке кадров со средним профессиональным образованием, это объясняет приток молодежи 15–17 лет из окружающей сельской местности и меньших городов. В советское время во вторых городах располагалось несколько ПТУ, СПТУ, техникумов. Сейчас кроме колледжей и техникумов в отдельных случаях работа по выпуску специалистов

со средним специальным образованием ведется и в филиалах вузов. Изменение системы образования внесло свои коррективы, однако в целом оставило эту образовательную функцию за вторыми городами.

Однако на единый возрастной интервал 15–19 лет в рамках внутрирегиональных передвижений приходится и другая миграция — из вторых городов в региональные центры для получения высшего образования и затем, как правило, построения карьеры уже в них (образовательная миграция в 15–19 лет в города других регионов будет рассмотрена ниже).

Таким образом, наличие у вторых городов нетто-прироста во внутрирегиональной миграции маркирует приток из своего сельского окружения для обучения в учреждениях среднего профессионального образования (и вероятно это их конкурентное преимущество перед другими городами данного региона) и малый отток на учебу в вузы в свой региональный центр. Причины у последнего могут быть самые разные: начиная от не самого высокого качества школьного образования и невысоких средних баллов ЕГЭ до прямо противоположного, дающего много шансов на поступление в наиболее престижные вузы страны, и значит участия в межрегиональной миграции.

Не привлекательны для молодежи своих регионов два центра (Грозный и Салехард) и 38 вторых городов. Применительно к последним отчетливо выражена следующая тенденция: из самых небольших по размеру вторых городов отток молодежи перекрывает приток из близлежащей округи, в результате чего они имеют убыль.

Однако более парадоксальной, на первый взгляд, кажется ситуация во вторых городах с численностью населения свыше 250 тыс. человек. У половины из них наблюдается убыль молодежи во внутрирегиональной миграции (Старый Оскол, Таганрог, Набережные Челны, Тольятти, Комсомольск-на-Амуре и др.). При этом столицы этих же регионов, обладающие иногда немногим большей людностью, аттрактивны для молодежи. На наш взгляд, это лишний раз подчеркивает административную значимость региональных центров в современной России.

Близость второго города к региональному центру не оказывает положительного влияния на приток в них молодежи. Вероятно, молодежь из периферии в этом случае предпочитает уезжать сразу в региональные центры, минуя вторые города. Нельзя сказать, что это только российский феномен. Например, в Австралии в крупных по площади регионах с недостаточно развитой городской иерархией молодежь перемещается в крупные города, минуя промежуточные; в территориях с большим количеством небольших городов часто привлекательны именно эти города [19].

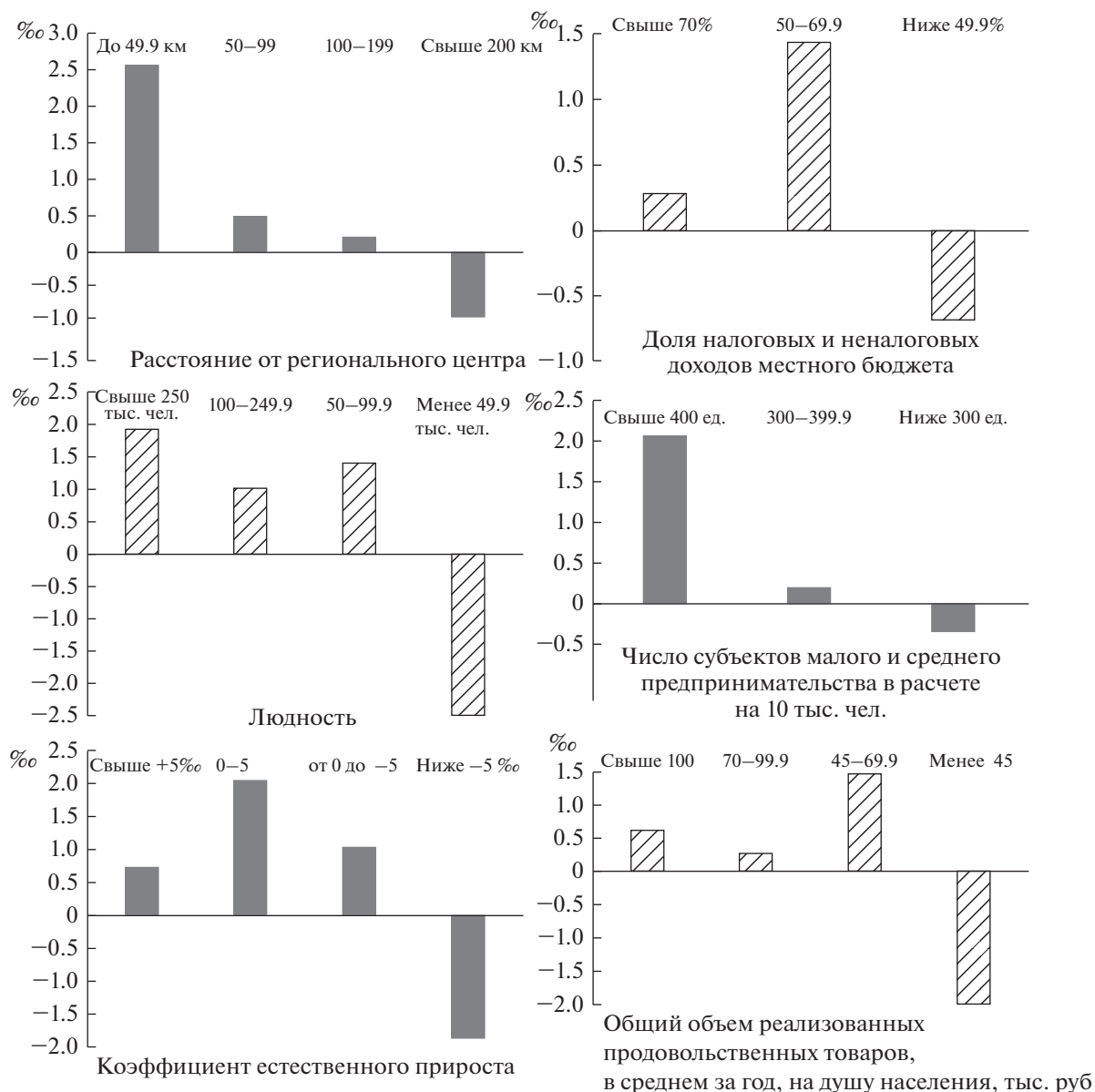

Рис. 1. Коэффициент нетто-миграции во внутрирегиональных перемещениях во вторых городах, сгруппированных по разным признакам, в среднем за 2012–2016 гг., ‰. Рассчитано по данным БД ПМО.

Типологию центров и вторых городов регионов по внутрирегиональной миграции можно представить следующим образом (рис. 2). Сорок регионов сконцентрировались в первом и втором типах — в них для внутрирегиональных мигрантов аттрактивны не только региональные центры, но и вторые города. Между собой эти типы различаются наличием (первый тип) или отсутствием привлекательности у вторых городов для молодежи. Различия вторых городов в этих типах трудно списать на какой-то один фактор. В среднем вторые города первого типа имеют самую большую численность населения, и есть соблазн объяснить миграционное благополучие эффектом размера,

однако все же детерминация здесь нелинейна. Это становится особенно явно при рассмотрении регионов, образующих четвертый тип: тут есть как регионы с очень крупными вторыми городами — лидерами советской индустриализации, так и с совсем небольшими, которые хотя и являются вторыми городами своих регионов по численности населения, на роль полюсов роста второго порядка, кажется, даже не претендуют. Нетто-отточности во внутрирегиональной миграции, в том числе отточности молодежи, по-видимому, сопутствует некий суммарный набор факторов общей бесперспективности, витающий в пространстве и передаваемый по “сарафанному ра-

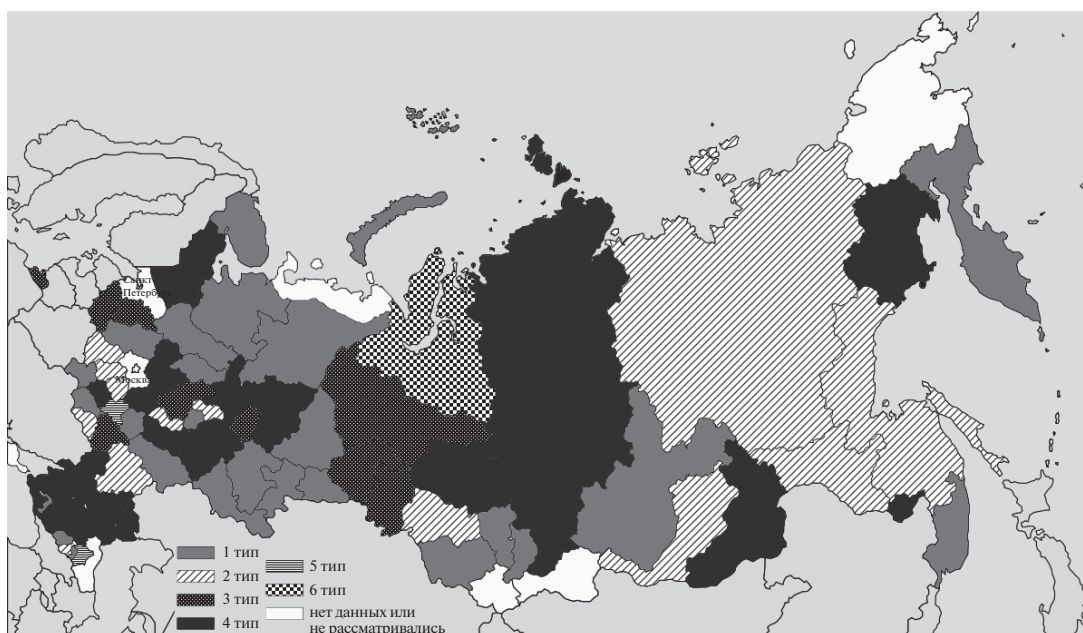

Рис. 2. Типы регионов по параметрам внутрирегиональной нетто-миграции в центрах и вторых городах регионов. 1 — в центрах и вторых городах положительная, 15–19-летних во вторых городах положительная; 2 — в центрах и вторых городах положительная, 15–19-летних во вторых городах отрицательная; 3 — в центрах положительная, во вторых городах отрицательная, 15–19-летних во вторых городах положительная; 4 — в центрах положительная, во вторых городах отрицательная, 15–19-летних отрицательная; 5 — в центрах отрицательная, во вторых городах положительная, 15–19-летних во вторых городах положительная; 6 — в центрах и вторых городах отрицательная, 15–19-летних во вторых городах отрицательная. Составлено автором по данным БД ПМО.

дио”. Каждый третий из городов этого типа имеет монопрофильную экономику и сопутствующие этому проблемы.

Интересные тенденции намечаются в миграции пожилых: у пятой части регионов во внутрирегиональной миграции людей старше 60 лет региональный центр имеет убыль, а второй город — прирост. Причем такая конструкция активно распространена в старообжитых регионах Европейского центра и почти не встречается в Сибири (за исключением Новосибирской области и Приморского края). Отсутствие разработки данных о структурных составляющих миграции между отдельными городами не позволяет однозначно говорить о том, что мы имеем дело с распространенной в развитых странах моделью миграции пожилых, когда в ранних пожилых возрастах они переезжают из крупнейших городов в более комфортные относительно не крупные [22, 23 и др.]. Миграционный прирост пожилого населения, фиксируемый во вторых городах и отсутствующий в региональных центрах, может быть как проявлением такой модели, так и “восходящего движения”: например, из сельских районов к детям, обосновавшимся во вторых городах. Однако даже здесь — применительно к миграции пожилых — преобладающей остается ситуация, в которой региональный центр имеет нетто-прирост, второй город — нетто-убыль (таких регионов 20).

Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что как бы мы ни рассматривали внутрирегиональную миграцию — в целом или по отдельным возрастным потокам (особенно это выражено на группах 15–19 и 35–39 лет) — на уровне регионов однозначно проявляется доминирование столиц. Конкуренцию за население на пространстве своих регионов вторые города столицам проигрывают в чистом виде и повсеместно. В этом смысле говорить о полицентричности регионов трудно.

Доминирование региональных центров еще сильнее проявляется в *межрегиональной миграции*. В отличие от внутрирегиональной она способна выявить среди городов (вторых и тем более первых) фокусы аттрактивности общероссийского, а не регионального масштаба. Анализ показывает, что среди вторых городов таких почти нет: всего шесть вторых городов имеют положительный баланс межрегиональной миграции: Обнинск (Калужская область), Сочи (Краснодарский край), Карабулак (при этом в целом корректность данных о миграции в Ингушетии вызывает сомнения), Сургут (Ханты-Мансийский АО), Бердск (Новосибирская область) и Черногорск (Хакасия). Все остальные в большей или меньшей мере отточны. Интенсивность оттока связана с плотностью (рис. 3), при этом парный коэффициент корреляции между коэффициентом нетто-миграции в межрегиональных перемещениях и плотностью для всего

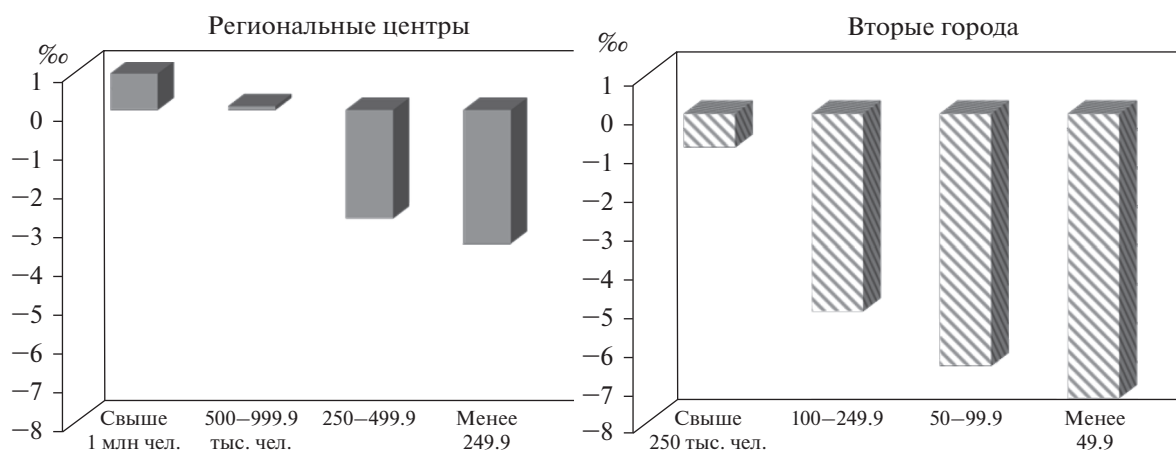

Рис. 3. Коэффициент нетто-миграции в межрегиональных перемещениях в региональных центрах и вторых городах регионов в зависимости от их людности в среднем за 2012–2016 гг., %. Рассчитано по данным БД ПМО.

массива городов (и региональных центров, и вторых городов) оказывается незначительно, но более высоким (0.424), чем по отдельности для региональных центров или вторых городов. Возможно, это свидетельствует о том, что для межрегиональной миграции наличие или отсутствие статуса у города имеет несколько меньшее значение, чем его размер и связанные с ним преимущества.

Приростом в межрегиональной миграции обладают и далеко не все региональные столицы. Тем не менее среди них таких 23. Есть давние устойчивые реципиенты: Белгород, Калининград, Краснодар, Тюмень, Екатеринбург, Новосибирск и др. Все постсоветские годы⁵ межрегиональный переток в России укладывался в рамки “западного дрейфа”: население переезжало в направлении центра и юго-запада страны [12]. Это было свойственно населению разных возрастов, но сейчас ведущую роль в перетоке играет молодежь 15–19 лет, переезжающая на учебу в вузовские центры, которые в России почти всегда “по совместительству” являются региональными центрами. В 16 из 23 региональных столиц миграция молодежи студенческих возрастов обеспечивает от 30 до 90% нетто-прироста. У Курска и, особенно, Томска общий миграционный прирост и вовсе складывается только за счет молодежи, остальные группы населения в этих городах имеют нетто-убыль.

В схему доминантной учебной миграции не укладываются Псков и Салехард, из которых молодежь студенческих возрастов уезжает. Кроме этих двух городов отдельно выделяется группа, формируемая Калининградом, Краснодаром, Назранью, Тюме-

нью и Абаканом. Им свойственен размытый возрастной профиль межрегиональной миграции; туда едут люди разных возрастов и с разными целями.

Таким образом, картина межрегиональной миграции распределяет регионы следующим образом: у 5 регионов миграционную привлекательность демонстрируют и региональные центры, и вторые города; у одного региона (Калужская область) нетто-прирост есть у второго города, но нет у первого; у 18 регионов нетто-прирост имеют центры и его нет у вторых городов; наконец у всех остальных (50 регионов) отточны и центры, и вторые города.

Весомые конкурентные преимущества большинства аттрактивных региональных центров для мигрантов из других регионов – наличие различных по номенклатуре и топовых вузов. Такими возможностями вторые города в основном не обладают. Отдельным важным фактором в межрегиональной миграции является наличие двух мощных суперцентров – Москвы и (в меньшей степени) Санкт-Петербурга. Соперничать с ними сегодня и уже давно очень сложно. Лишь благодаря миграции нестуденческих возрастов в рамках западного дрейфа с ними сопоставимы некоторые примечательные южные города (Сочи), Тюмень (принимающая мигрантов со своих северных автономных округов), а также города ближнего Подмосковья, не рассматриваемые в настоящей работе.

ВЫВОДЫ

И во внутрирегиональной, и в межрегиональной миграции доминирование центров над вторыми городами регионов проявляется массово.

В межрегиональной миграции это скольконбудь объяснимо имеющейся ограниченностью демографических ресурсов, сверхконцентрацией

⁵ На самом деле переселение из восточных и северных регионов в центральный и южном направлениях началось еще в позднесоветский период.

потоков в двух столичных городах (по сути, разделивших между собой российское пространство на две зоны влияния) и самой логикой дальних переселений, на которые решаются “навверняка” и, значит, стремятся в наиболее привлекательные точки. Можно говорить о том, что в условиях значительного общего числа межрегиональных мигрантов (1.8–2.1 млн человек ежегодно в 2012–2016 гг.) в российском обществе по сравнению с 1990-ми годами нарастает поляризация, во-первых, между в целом принимающими и отдающими территориями, и во-вторых, в группе принимающих. В ней безусловно первенствуют города федерального значения. Количество городов, имеющих нетто-прирост в межрегиональной миграции, невелико, и это почти всегда региональные центры.

В отношении внутрирегиональной миграции логично было бы предположить, что вторые города регионов – в условиях общей невысокой насыщенности территории страны городами – должны быть привлекательными для мигрантов из ближайшей округи, особенно для молодежи. Однако так происходит примерно в половине регионов; остальные вторые города аттрактивностью для населения своего региона не обладают. Причем это характерно не только для регионов, где вторые города являются вторыми лишь по формальному критерию ранговой людности (Омская, Орловская, Астраханская, Магаданская области, Республика Карелия и др.), но и для тех, где вторые города еще в советские времена считались важными центрами, часто даже на межрегиональном уровне (Ярославская, Нижегородская, Самарская, Ульяновская, Ростовская области, Татарстан, Пермский и Красноярский края и др.).

КРАТКОЕ ОБСУЖДЕНИЕ

В целом миграционная привлекательность центров и вторых городов регионов во внутрирегиональной миграции несопоставима: в среднем за год за период 2012–2016 гг. центры регионов получили 148.6 тыс. человек, вторые города – 10.5 тыс. человек. Если соотнести эти цифры со средней людностью региональных центров (522.5 тыс. человек) и вторых городов (142.6 тыс. человек), то и в этом случае различия между ними в привлекательности для мигрантов из своих регионов остаются огромными. Причем их нельзя списать только на агломерационный эффект. Не случайно, применительно к Бурятии А.С. Бреславский пишет: «Улан-Удэ, будучи в дискурсом измерения *“единственным городом республики”*, обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии» [1, с. 57].

Не только “Москва у всей России под горой”, но и в регионах тоже “все катится” в одну точку – в свои региональные центры, и это препятствует сохранению устойчивости систем расселения и обжитости пространства, способствует усилению пространственного сжатия. При этом в конструктивном смысле речь не может идти просто об удержании людей на местах. Нынешние принципы формирования бюджетов муниципальных образований, отсутствие новых вариантов занятости при моральной устарелости или закрытии советских производств, качество благоустройства, недостаточность ресурсов на социальные трансформации, проблемы в местном здравоохранении, узость социальных лифтов не могут создать основ для миграционной привлекательности вторых городов в регионах. Миграция в данном случае выступает лишь индикатором неуспешности политики централизации ресурсов.

Применительно к межрегиональной миграции ракурс иной: суммарно региональные центры и, тем более, вторые города в среднем за год в рассматриваемый пятилетний период имеют нетто-убыль: 10.5 и 36.5 тыс. человек соответственно. Это свидетельство слабости уже и региональных столиц, но на уровне страны. В 2003 г. А.И. Трейвиш писал, что стекание городского населения к нескольким крупнейшим центрам не позволяло сложиться другим метрополиям, которые могли бы дать импульс развитию своих регионов. Он подчеркивал, что все это происходит на фоне общей ограниченности демографических ресурсов, а значит, и конкуренции за них [16]. Кажется, что с тех пор мало что изменилось.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”.

FUNDING

The article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бреславский А.С. Сельские мигранты в постсоветском Улан-Удэ: ожидания, стратегии, практики расселения // Ойкумена. 2012. № 4. С. 55–61.
2. Вакуленко Е.С. Миграционные процессы в городах России: эконометрический анализ // Прикладная эконометрика. 2012. Вып. 25 (1). С. 25–50.
3. Вендина О.И. Российское пространство: старые и новые критерии развития // Крупные города и вы-

- зовы глобализации / под ред. В.А. Колосова и Д. Эккерта. Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 114–127.
4. *Зубаревич Н.В.* Рента столичного статуса // *Pro et Contra*. 2012. № 6. Ноябрь–декабрь. С. 6–18.
 5. *Каганский В.Л.* Бум вторых городов // *Русский журнал*. 2005. http://old.russ.ru/culture/20050221_k-ag.html (дата обращения 10.03.2020).
 6. *Карачурина Л.Б.* Динамика населения центров и вторых городов регионов в России: проявляются ли тенденции к полицентризму? // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2018. № 4. С. 7–21. <https://doi.org/10.1134/S2587556618040076>
 7. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Динамика численности населения муниципальных образований РФ как отражение центр-периферийной концепции пространственного развития (1989–2002 гг.) // *Региональные исследования*. 2010. № 3. С. 69–83.
 8. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центр-периферийные соотношения // *Вопросы географии*. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: ИД “Кодекс”, 2013. С. 82–107.
 9. *Лаппо Г.М.* Вице-столицы российских регионов // *География*. 2008. № 3. С. 5–13.
 10. *Лексин В.Н., Карачаровский В.В.* Причины и последствия сверхконцентрации экономического и социального потенциалов России в ее крупнейших городах // *Российский экономический журнал*. 2007. № 1–2. С. 26–46.
 11. *Мкртчян Н.В.* Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2011. № 5. С. 7–21.
 12. *Мкртчян Н.В.* Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты // *Мир России*. 2003. № 2. С. 151–164.
 13. *Население России 2013. Двадцать первый ежегодный демографический доклад* / отв. ред. С.В. Захаров. М.: ИД Высшей школы экономики, 2015. 428 с.
 14. *Нефедова Т.Г.* Миграционная аттрактивность городов как индикатор трансформации постсоветского городского пространства России // *Наука. Инновации. Технология*. 2014. № 2. С. 106–135.
 15. *Покишишевский В.В.* Проблема “второго” города // *Проблемы урбанизации и расселения* (II советско-польский семинар по урбанизации). М.: Мысль, 1976. С. 178–187.
 16. *Трейвиш А.И.* Россия: население и пространство // *Демоскоп Weekly*. 2003. № 95–96. <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/095/tema05.php> (дата обращения 26.02.2020).
 17. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 373 с.
 18. *Angel S., Parent J., Civco D., Blei A.* Atlas of Urban Expansion. Cambridge: Lincoln Institute of Land Policy, 2012. 398 p.
 19. *Argent N., Walmsley J.* Rural Youth Migration Trends in Australia: an Overview of Recent Trends and Two Inland Case Studies // *Geogr. Res.* 2008. V. 46. № 2. P. 139–152. <https://doi.org/10.1111/j.1745-5871.2008.00505.x>
 20. *Kanna A., Chen X.* Introduction: Bringing the less familiar cities in and together (Editorial) // *Rethinking global urbanism: Comparative insights from secondary cities* / Chen X., Kanna A. (Eds.). New York, London, Center for Urban and Global Studies, United States, 2012. P. 1–14.
 21. *Karachurina L., Mkrtychyan N.* Age-specific net migration patterns in the municipal formations of Russia // *GeoJournal*. 2018. V. 83. № 1. P. 119–136. <https://doi.org/10.1007/s10708-016-9757-4>
 22. *Morrill R.* Aging in place, age specific migration and natural decrease // *Ann. Reg. Sci.* 1995. V. 29. № 1. P. 41–66.
 23. *Raymer J., Abel G., Smith P.W.F.* Combining census and registration data to estimate detailed elderly migration flows in England and Wales // *J. Royal Statist. Society: Ser. A (Statistics in Society)*. 2007. V. 170. № 4. P. 891–908.
 24. *Roberts B.* Managing Systems of Secondary Cities. Cities Alliance / UNOPS. Brussels: Cities Alliance, 2014. 232 p.
 25. *The Role of Small and Medium-Sized Towns (SMES-TO). Final Report.* European Spatial Planning Observation Network (ESPON 1.4.1). Vienna, May 2006. https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/fr-1.4.1_revised-full.pdf (accessed: 26.02.2020).

The Attractiveness of the Centers and Secondary Cities of the Regions for Internal Migrants in Russia

L. B. Karachurina*

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

*e-mail: lkarachurina@hse.ru

The article examines the intensity of net intraregional and interregional migration of the population of regional centers and the secondary (by population) cities in 74 regions of Russia between 2012–2016. The information basis of the study is formed by municipalities' indicators database for the relevant years. The low saturation of the Russian territory with cities should logically lead to the migration attractiveness of the secondary cities in the intraregional migration process, as they should be the important focuses of social and eco-

conomic life. That should be expressed by a positive net migration coefficient. In fact, this is the case in 42 regions. In other regions, the final balance of intraregional migration of the secondary cities is negative. At the same time, migration can be considered as an indicator of the conditional well-being of the secondary cities both in the context of having their own stable hinterland and from socio-economic perspective. Regional centers are attractive for intraregional migrants almost everywhere. Such consistency is the result of the concentration of financial and other flows and powers in the regions' capital cities and, regardless of the socio-economic situation, a better quality of life there compared to other municipalities of the same regions. Indicators of interregional migration are more ambiguous: from the standpoint of the net-migration balance not only the second cities of the regions, but also many regional centers are unattractive for interregional migrants. Limited demographic resources and the presence of the two powerful centers of migration attraction at the country level (Moscow and St. Petersburg) do not leave room for interregional migration growth to the most regional centers.

Keywords: net migration, interregional migration, intraregional migration, youth migration, cities

REFERENCES

1. Breslavskii A.S. Rural migrants in the post-Soviet Ulan-Ude: expectations, strategies, practices of settling. *Oikumena. Reg. Issled.*, 2012, no. 4, pp. 55–61. (In Russ.).
2. Vakulenko E.S. Migration in Russian cities: econometric analysis. *Prikladnaya Ekonometrika*, 2012, no. 25 (1), pp. 25–50. (In Russ.).
3. Vendina O.I. Russian space: old and new development criteria. In *Kрупные города и вызовы глобализации* [Large Cities and Challenges of Globalization]. Kolosov V., Jekkert D., Eds. Smolensk: Oikumena Publ., 2003, pp. 114–127. (In Russ.).
4. Zubarevich N.V. Rent of the capital status. *Pro et Contra*, 2012, no. 6, pp. 6–18. (In Russ.).
5. Kaganskii V.L. Boom of secondary cities. *Russkii Zhurnal*, 2005. Available at: http://old.russ.ru/culture/20050221_kag.html (accessed: 10.03.2020). (In Russ.).
6. Karachurina L.B. Population dynamics of centers and secondary cities of Russia's regions: trends towards polycentricity? *Reg. Res. Russ.*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 308–321.
7. Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. The dynamics of the population numbers in municipal areas of the Russian Federation as the reflection of the center-periphery conception of spatial development. *Reg. Issled.*, 2010, no. 3, pp. 69–83. (In Russ.).
8. Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Change of population numbers in administrative units and cities of Russia (1989–2010): center-periphery relationships. In *Voprosy geografii. Sb. 135: Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Problems of Geography. Vol. 135: Geography of Population and Social Geography]. Alekseev A.I., Tkachenko A.A., Eds. Moscow: Kodeks Publ., 2013, pp. 82–107. (In Russ.).
9. Lappo G.M. Vice-capitals of Russian regions. *Geografiya*, 2008, no. 3, pp. 5–13. (In Russ.).
10. Leksin V.N., Karacharovskii V. The reasons and the consequences of overconcentration of Russian economic and social potentials in the largest cities. *Russ. Ekon. Zh.*, 2007, no. 1–2, pp. 26–46. (In Russ.).
11. Mkrtchyan N.V. Population dynamics of Russia's regions and the role of migration: critical assessment based on the 2002 and 2010 censuses. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2011, no. 5, pp. 7–21. (In Russ.).
12. Mkrtchyan N.V. From Russia to Russia: from where and where do internal migrants go. *Mir Rossii*, 2003, no. 2, pp. 151–164. (In Russ.).
13. *Naselenie Rossii 2013. Dvadtsat' pervyi ezhegodnyi demograficheskii doklad* [Population of Russia 2013. Twenty-First Annual Demographic Report]. Zakharov S.V., Ed. Moscow: Vyssh. Shkola Ekonomiki, 2015. 428 p.
14. Nefedova T.G. Urban migration attraction as indicator of transformation of the Russian post-Soviet urban space. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologiya*, 2014, no. 2, pp. 106–135. (In Russ.).
15. Pokshishevskii V.V. The problem of the secondary city. In *Problemy urbanizatsii i rasseleniya (II sovetsko-pol'skii seminar po urbanizatsii)* [Problems of Urbanization and Settlement Patterns (II Soviet-Polish Seminar on Urbanization)]. Moscow: Mysl' Publ., 1976, pp. 178–187. (In Russ.).
16. Treivish A.I. Russia: population and space. *Demoskop Weekly*, 2003, no. 95–96. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/095/tema05.php> (accessed: 26.02.2020). (In Russ.).
17. Treivish A.I. *Gorod, raion, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country, and the World. The Development of Russia through the Eyes of a Regional Geographer]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2009. 373 p.
18. Angel S., Blei A., Parent J., Civco D. *Atlas of Urban Expansion*. Cambridge: Lincoln Inst. of Land Policy, 2012. 398 p.
19. Argent N., Walmsley J. Rural youth migration trends in Australia: an overview of recent trends and two inland case studies. *Geogr. Res.*, 2008, vol. 46, no. 2, pp. 139–152. doi 10.1111/j.1745-5871.2008.00505.x
20. Kanna A., Chen X. Introduction: Bringing the less familiar cities in and together (Editorial). In *Rethinking global urbanism: Comparative insights from secondary cities*. Chen X., Kanna A. (Eds.). New York, London, Center for Urban and Global Studies, United States, 2012, pp. 1–14.
21. Karachurina L., Mkrtchyan N. Age-specific net migration patterns in the municipal formations of Russia.

- GeoJournal*, 2018, vol. 83, no. 1, pp. 119–136. doi 10.1007/s10708-016-9757-4
22. Morrill R. Aging in place, age specific migration and natural decrease. *Ann. Reg. Sci.*, 1995, vol. 29, no. 1, pp. 41–66.
23. Raymer J., Abel G., Smith P.W.F. Combining census and registration data to estimate detailed elderly migration flows in England and Wales. *J. Royal Stat. Soc., Ser. A Stat. Soc.*, 2007, vol. 170, no. 4, pp. 891–908.
24. Roberts B. *Managing Systems of Secondary Cities*. Cities Alliance, UNOPS. Brussels: Cities Alliance, 2014. 232 p.
25. *The Role of Small and Medium-Sized Towns (SMESTO). Final Report*. Vienna: European Spatial Planning Observation Network (ESPON 1.4.1), 2006. Available at: https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/fr-1.4.1_revised-full.pdf (accessed: 26.02.2020).